

СООТНОШЕНИЕ ЛОГИЧЕСКИХ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
УНИВЕРСАЛИЙ В ТИПОЛОГИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ ЯЗЫКОВ

1. Исходным в изучении систем "речи-языка", на наш взгляд, должны быть три принципа. "Речь-язык" это - 1) "массовая деятельность" в целом, либо элемент ее, 2) развивающееся целое, либо элемент его, 3) сложное целое, состоящее из ряда систем, как бы "накладывающихся" друг на друга. Все эти положения возникают как гипотезы из анализа предшествующей истории науки, в первую очередь - ее неудач.

2. Из последнего определения вытекает особый метод образования "системных представлений" объекта и особые процедуры перехода от одних представлений к другим - так называемое восхождение от абстрактного к конкретному. Из второго положения - особая, генетическая спецификация метода восхождения. Из первого положения - особый вид системного изображения объекта, специфический для "деятельности".

В частности из него следует тезис: невозможно вывести и объяснить структуру знаковых образований, если брать их вне контекста той деятельности, в которой они возникли и употребляются. Но это значит, что построение общей теории "речи-языка" нужно начинать с построения систем, изображающих деятельности, связанные с речью и языком.

3. Существует несколько различных представлений тех деятельностей, в которых употребляются знаковые образования. Каждое из них задает особый предмет изучения, который может рассматриваться и разворачиваться относительно независимо от других, и кроме того все они определенным образом связаны друг с другом. Каждое из этих представлений деятельности разворачивается в свой сложный набор систем, связанных между собой.

4. Все задаваемые таким образом предметы изучения развертываются посредством особых генетических процедур дедукции. Они почти не связаны с изучением эмпирической истории изучаемого объекта и вместе с тем воспроизводят в особой оперативной форме целый ряд закономерностей его развития (псевдогенетический метод построения теоретических систем).

5. Среди указанных систем описания деятельности особенно важное значение для описания "речи-языка" имеет логическая система, воспроизводящая мыслительную деятельность.

Развитие мыслительной деятельности не представляет собой единого последовательного движения, в котором предшествующие срезы определяли бы все точки последующих состояний. Скорее она должна быть представлена как ряд "деревьев", растущих из разных "корней" и как бы срастающихся частью своих "ветвей" вверху. Поэтому приходится говорить не только о способах мышления, разных по степени своего развития, но и просто о разных способах мышления, между которыми нельзя установить непосредственные генетические связи. Это обстоятельство является крайне важным при разрешении узловых вопросов языковой типологии.

Кроме того в мыслительной деятельности существует целый ряд разнородных единиц, которые развиваются относительно независимо друг от друга и посредством разных механизмов. Отсюда важность правильного разложения всех "потоков" развития мыслительной деятельности на частичные, относительно независимые системы движения, которые выступают самостоятельными предметами псевдогенетического анализа. Различие этих частичных систем развития мыслительной деятельности оказывает существенное влияние на развитие собственно языковых форм мышления (см. п. II).

6. При построении систем мыслительной (и всякой другой) деятельности знаковые образования выступают лишь как подсобный материал, дающий возможность выявить строение деятельности. Поэтому, если нас интересуют специфические закономерности жизни и развития знаковых образова-

ний, то мы должны с какого-то момента переориентировать все исследование. Специальным предметом рассмотрения должны стать знаки как таковые, хотя они и будут рассматриваться с точки зрения тех деятельностей, в которых они возникают и употребляются.

Анализ знаковых образований с точки зрения деятельности имеет жесткую процедуру; последовательно рассматриваются: 1) те связи и отношения, в которые деятельность ставит эти образования к другим, внешним для них явлениям и объектам (это дает "внешнюю" структуру рассматриваемого знакового образования; при этом выделяются "внешние" свойства-функции, задаваемые этими связями и отношениями); 2) внутреннее расчленение "материала" исследуемого знакового образования, определяемое строением деятельности, в которую он включен; 3) связи и соотношения выделенных частей материала знаковых образований, задаваемые деятельностью и внешними связями (это дает нам внутреннюю структуру рассматриваемого знакового образования, а затем - его функциональную структуру); 4) выражение функций элементов структуры в материале знаков (при этом фиксируются обособления функций от актуально данных связей, но с постоянной возможностью восстановления связей по соответствующим материальным выражениям функций).

Таким образом выделяются те и только те свойства - структурные, функциональные и материальные, - которые необходимы с точки зрения заданной деятельности. Выделяемые свойства (в каждом шаге и на каждом этапе анализа) фиксируются в соответствующих моделях знаковых форм и описаниях их. Это дает изображение знаковых форм вообще, безотносительно к тому или иному частному языку. При объективировании они выступают как сама абстрактная речь.

7. Все или часть выявленных таким образом характеристик знаковых образований проецируются с синтагматической оси текстов на парадигматическую систему средств. Выявляются формы фиксации этих характеристик в парадигматических системах. Структура парадигматических знаковых образований анализируется с точки зрения употреблений их деятельности

в качестве средств по описанным выше методическим схемам.

8. Каждая система описания деятельности задает свой особый план анализа и изображения знаковых образований — социологический, семиотический, логический, коммуникативный, этический и специальный — психологический.

9. Поскольку каждая знаковая форма употребляется не в одном контексте деятельности, а в нескольких разных, она должна обладать не одной структурой, а несколькими, или, точнее, одной, но реально совмещающей в себе несколько разных. Отсюда — особая задача: выяснить как связаны между собой эти деятельности и как их взаимодействие определяет общую многозначную (или многоаспектную) структуру знаковой формы.

Совмещение нескольких деятельностей, а соответственно и структур, в одной знаковой форме приводит к противоречиям. Противоречия ведут к дифференциации и обособлению знаковых систем в соответствии с деятельностями. В связи со специфическими задачами мыслительной деятельности складываются особые знаковые оперативные системы. Язык описаний, напротив, сохраняет за собой в основном обслуживание процессов коммуникации. Дальнейшее развитие языка описаний идет под постоянным определяющим воздействием различных систем мышления.

10. В этом контексте должно быть развернуто специальное структурное исследование, выясняющее "степени свободы" абстрактных языковых структур и их формальные возможности с точки зрения выражения наибольшего числа содержаний. Оно будет многоступенчатым, и при этом надо будет выяснить принципы организации связей в многоярусные, как бы вложенные друг в друга системы.

11. Знаковые структуры также могут быть представлены в генетической системе. Но это будут вторичные системы, как бы надстраивающиеся над системами деятельности, ибо знаковые структуры развиваются не сами по себе, а лишь как элементы систем деятельности. Во многих случаях развитие систем деятельности будет вести не к развитию, а лишь

к изменению знаковых структур. Между системами деятельности и знаковыми системами нет никакого изоморфизма.

Внутри всего множества знаковых систем существуют такие узкие группы, между которыми и внутри которых можно устанавливать генетические связи, минуя выход к структурам деятельности. Это обусловлено реальными процессами в "языковом мышлении", именно процессами построения оперативных систем. Примером этого могут служить детально проанализированные системы атрибутивных структур.

12. Построенная таким образом "двухэтажная" система знаковых структур выступает в качестве абстрактного представления всей области эмпирических проявлений "речи-языка". Но она не описывает особенностей реальных речевых выражений частных языков. Чтобы описать реальное строение систем плана выражения, недостаточно знать строение систем плана содержания (хотя это и необходимо). Чтобы охватить в теории существующее разнообразие речевых проявлений и языков, нужно строить еще одну систему, с одной стороны, опирающуюся на две первые, а с другой - принципиально отличную от них. Эта система может быть либо чисто описательной, либо же системой вывода.

13. Построение системы описания ряда различных "форм" плана выражения предполагает такое соотнесение их с абстрактными формами плана содержания, при котором происходит, с одной стороны, сведение первых ко вторым и установление таким путем первого отношения между самими формами плана выражения, а с другой - различение и противопоставление их по специфическим признакам самого плана выражения. Принято говорить, что сначала выявляются инварианты всех этих форм, а затем сами формы рассматриваются как варианты выражения одного и того же. Из нашего описания следует, что выделение инвариантов (системы абстрактных знаковых структур) есть дело принципиально иного, не собственно лингвистического, а скорее логического исследования. Лишь имея подобную систему логических инвариантов, мы можем затем проводить сопоставительное описание речевых стру-

ктур, относящихся к разным вариантам языков.

14. С привлечением отношений реальных речевых выражений как вариантов форм в плане выражения разветвленность и неоднородность системы, изображающей объект изучения, увеличивается еще больше: теперь каждой "точке" в системе абстрактных знаковых структур соответствует, в принципе, несколько "точек" в описании конкретных языков. Эти "точки" и являются характеристиками вариантов единой системы "речи-языка".

15. Сопоставление конкретных языков как вариантов некоторой абстрактной знаковой системы, не дает возможности вывести и объяснить многие особенности их структурного и материального оформления. Здесь приходится обращаться к анализу реального исторического процесса - взаимодействий языков, случайных влияний, заимствований, скрещений и т.д. Это значит, что описанная выше трехэтажная псевдогенетическая система изображения "речи-языка" дополняется еще одним, четвертым "этажом", собственно историческим. Исторические связи и обуславливания будут резко расходиться с той сетью псевдогенетических связей, которую мы установили для абстрактного языка, а через него и для вариантов - конкретных языков. Поэтому реальный исторический процесс и его связи будут разрываться и подключаться в качестве фрагментов (как механизмы объяснения реальных свойств языка) к общей генетической системе языков в соответствии с ее общим планом. Подобная система является единственно возможным теоретическим представлением истории развития "речи-языка" как некоторого единого объекта.